

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДИКАТОВ,
ВЫРАЖЕННЫХ ГЛАГОЛАМИ ЧУВСТВ

Haisa Pessina Longo

Лишь один раз в сутки цветок
радовался... А. Платонов

Корпус текста нуждается в соответствующей лексике, в синтаксической конструкции фраз, в особой интонации, в порядке слов, что необходимо для выражения эмоций, чувств и бытия в речи.

Основная роль в тематической и структурной организации дискурса принадлежит лексике различных частей речи и глаголами в том числе. Глаголы или слова других частей речи играют особую конструктивную роль в повествовании (*narratio*): их грамматическая семантика приспособлена к выражению предикативности, тогда как их лексическая семантика сопряжена с контекстным содержанием и авторской прагматической установкой.

Модусный план текста выражается отношениями автора к изображаемой действительности, к оценке содержания текста, к его апеллятивным намерениям. В этой связи селекция языковых средств, адекватных по содержанию, является неотъемлемой частью творческого процесса писателя.

Нас заинтересовала эмотивная лексика, ситуативная в своей денотативной основе и располагающая большими возможностями для передачи чувств в разнообразных ракурсах и оттенках.

Эмотивные глаголы, ориентированные на сферу субъекта или на сферу объекта, наиболее адекватно отражают различные ситуации действительности, например: состояние кого?, чего? (грустить о чем?), становление состояния кого?, чего? (влюбиться в кого?, во что?), отношение к кому?, к чему? (любить кого?, что?), воздействие, каузация

на кого?, что? (отпечалить кого?), проявление эмоций к кому?, к чему? (целовать, обнимать кого?, что?).

Иначе говоря, функция глаголов чувств связана с релятивностью их значения: действие должно быть соотнесено с производителем, но не только с ним. Чаще они не передают активного отношения между актантами, между деятелем и объектом.

Целью данной работы является анализ роли предиката, содержащего сему эмоции, что связано прежде всего, как мы предполагаем, с семантическими преобразованиями глагола в процессе его функционирования в тексте. Предпринятая в этой работе попытка такого анализа показывает, что функция этих глаголов не имеет универсального характера, т. к. исследуемая группа глаголов проявляется в отдельных актах речи в зависимости от их целенаправленности и условий реализации.

Во-первых, в своих наблюдениях автор исходит из следующих положений: специфические функции “язык-речь-текст” не существуют изолированно друг от друга. Они пересекаются и взаимодействуют, вследствие чего отрывки художественного текста в функциональном аспекте можно наблюдать с различных сторон.

Во-вторых, для анализа были выбраны только те классы глаголов, позиции которых в текстовых структурах обнаруживали текстовые функции, позволяющие перейти к характеристике текстового поведения лексических единиц одного морфологического класса предикативных слов.

В-третьих, были установлены принципы ограничения материала и взяты за основу наиболее интересные, на наш взгляд, работы Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, Н. И. Бахмутовой, Н. Д. Гариповой и И. А. Крыловой, ибо в них рассматриваются проблемы сущности переносного и метафорического значения слов, в частности глаголов.

В-четвертых, при определении типа, характера, семантического сдвига значения, по мнению указанных авторов, рекомендуется соблюдение ряда принципов, таких как например:

- морфологического: для ограничения материала исследования;
- морфосемантического: чтобы предметом наблюдений оказались бы слова не только одного лексико-грамматического класса, но и одной лексико-семантической группы. При этом в ряде исследований отмечается тенденция к развитию у семантически родственных слов однотипных значений;
- семантико-стилистического: для ограничения рассматриваемого ма-

териала, сузив рамки исследования до одной какой-либо парадигмо-синонимической группы слов (в нашем случае вопрос стилистической значимости синонимических рядов в художественном тексте решается с опорой на глагольную лексику);

— стилистико-эстетического: для представления в качестве предмета исследования отдельного слова, эстетически значимого в контексте художественного целого, и особенно характерного для мировоззрения писателя, так и вообще ключевых слов безотносительно к ним.

Мы воспользовались сформулированными выше рекомендациями и рассмотрели, как сказано выше, использование глаголов одного семантического класса, т. е. глаголов-предикатов эмоциональной деятельности в текстах двух писателей, Платонова и Замятина, обращая основное внимание на закономерности взаимодействия глаголов разных лексико-семантических групп, выступающих в функции предикатов чувств, в парадигматической комбинации с актантами и как единичное актуальное высказывание, а также попытались выяснить, как функционально-текстовые глаголы приспосабливаются к функционированию в неродной для них среде.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ-ПРЕДИКАТОВ ЧУВСТВ

1. Общеизвестно, что между семантикой глаголов-предикатов и структурой предложения существует органическая связь, которая проявляется в том, что глаголы определенных лексико-семантических групп входят в определенные модели предложения. Проблема экспрессивной эмотивности, или же эмоции человека, и механизм их лингвистического обеспечения давно стали предметом научных изысканий.

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи ее с оценкой оказываются особенно тесными; сейчас особенно актуально исследование с позиции эмоции и с позиции оценки. Объект изучения сложен, т. к. считается, что эмоция связана только с человеком, а человек — “центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит”.¹

Язык фиксирует этот двойной модус приоритета, человека и характера отображения его чувств, и следовательно, в языке существ-

¹ Ср. Г. А. Золотова, Коммуникативные аспекты русского языка. М. 1982.

вует двоякий способ показа эмоции. Они проявляются как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок.

Эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобная любой другой конкретно наблюдаемой реальности. Механизмы языкового выражения эмоции — различны: можно говорить о языке описания эмоции и о языке выражения эмоции.² Вероятно, трудно выявить все эмотивы в реальной речи, т. к. любое слово потенциально эмотивно. При этом нужно учитывать, что “слова не в одинаковой степени способны наполняться эмоционально-экспрессивным содержанием”.³

В научной литературе имеется множество попыток описать эмоциональную лексику. Сначала наблюдалось интуитивное деление эмотивной лексики, а затем появилось терминологическое разграничение: лексика эмоции (л. э.) и эмоциональная лексика (э. л.):

Лексика эмоции сориентирована на объективацию эмоции в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), а эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функция).

Таким образом, традиция научного описания выделяет как принципиально различные два класса эмотивной лексики: л. э. включает слова с предметно-логическим значением, которые дают понятие об эмоции (типа “удивляться”, “боязнь”), э. л. — эмоционально-окрашенные слова, содержащие чувственный фон, ореол, “дымку”.

Мы считаем, что семантическая категоризация эмоций должна быть осуществлена прежде всего при рассмотрении лексики, обозначающей эмоции, хотя бы потому, что в ней эмотивные значения эксплицитны, более устойчивы, стабильны. Эти слова — непосредственные знаки эмоции, даже когда не связаны с человеком, когда “центральная фигура” эксцентрична.

Сема эмотивности в л. э., выступал в статусе категориально-лексической семы, выполняет функцию идентифицирующего предиката; она может быть также представлена аналитическим сочетанием, по-

² Ср. Е. М. Вольф, *Функциональная семантика оценки*. М. 1985.

³ Ср. Говердовский, *Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике)*. “Вопросы языкознания” (1985) 2.

строенным по модели — понятие о чувстве — конкретное наименование какого-либо чувства:

- а) любить — чувствовать глобальную привязанность к кому-либо;
- б) любить — быть преданным кому- чему-либо, — испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо.

Первый компонент в модели б) — основной идентификатор эмотивности. Обычно выражается словами обобщенной семантики типа “чувствовать”, “испытывать”.

Второй ее компонент — чаще всего конкретное наименование эмоции типа “любовь”, “страх”, “ненависть” — реализуется обычно сочетанием обобщенного и конкретного предикатов эмотивности. Дополнительный идентификатор передает содержание эмоции, ее тональность.

Нужно учитывать, что в языке существует семантическая оппозиция понятия эмоции, которая выражается противопоставлениями (любить-ненавидеть, радоваться-горевать), и т. д. Эмоциональные выражения со значением оппозиции лежат в основе экспрессивной функции языка и существуют не для отражения мира чувств в действительности, а для отражения эмоционального отношения говорящего/ автора к действительности.

II. Художественная речь Платонова и Замятина,⁴ которую мы берем за основу анализа, нуждается в ряде средств усиления для представления эмоций в тексте, и при этом в качестве актантов используются не только человек, а также самые разнообразные предметы и явления. Главной задачей исследования стала проблема переноса значения сдвига семантически интересующей нас глагольной лексики.

Исследование материала проводится в основном по стилистическому аспекту. Автор постарался выяснить, как функционально-текстовые глаголы приспособляются к функционированию в неродной для них среде и как они согласуются с ближайшим контекстным окружением. Анализ средств создания вторичных речевых смыслов привел нас к ассоциативной контаминации полей, что в свою очередь ведет к стилистическим эффектам, усиливающим экспрессию текста.

⁴ А. Платонов и Е. Замятин в своих утопических произведениях входят в круг наших более широких интересов.

Анализируя контекст художественной речи названных выше писателей, необходимо выделить две основные разновидности предикатов, выступающих в нескольких вариантах:

А. Предикаты первого типа, т. е. глаголы типа 'любить', 'страдать', 'тосковать', которые в функциональном аспекте содержат в семной структуре лексико-грамматические денотативные семы, отражающие объективную действительность, где каузация состояния выражена 'эксплицитно' в пределах одного предикативного высказывания:

- а) 1 А мужик загрустил. (П)
- 2 Мать удивилась на своего сына и обрадовалась ему. (П)
- 3 Он сел на стул и пригорюнился. (П)
- 4 И чувствовал: запутался — ни рукой, ни ногой... (З)

Для выражения эмоционального состояния эти писатели пользуются также категориально-лексической семой типа 'испытывать', 'чувствовать', причем в необычном переносном понимании, а базисное же значение семы передает авторское представление о действительности. В этих случаях предикативность в основном выражается во второй части предложения;

б) предикаты, в которых при передаче эмоций необходима поддержка, воздействии контекста. Здесь глаголы эмоции получают возможность выполнять функцию предикатов чувств в специализированном расширенном контексте, который, как правило, содержит название эмоций как слева, так и справа от глагола, например:

- 5 Странное ощущение: я чувствовал рёбра... (З)
- 6 И старик почувствовал грусть об ушедшем госте, словно его веселое сердце стало пустым. (П)
- 7 Она чувствовала неправдоподобие, что происходит... (Д)

Например, в романе Замятина *Мы*, в романе Чевенгур и в рассказах Платонова, а также в романе Домбровского *Факультет ненужных вещей* глаголы-предикаты первого типа изосемичны, т. к. их категориально-лексическая семантика соответствует выполняемой функцией предиката эмоции (1-4).

В контексте примеров (5-7), где выявляются предикаты второго типа, наблюдается конкретизация их семантики, как и в примерах (8-9):

- 8 Я люблю — уверен, не ошибусь если скажу: мы любим — только такое вот, стерильное, безукоризненное небо. (З)
- 9 Сердце билось глубоко, поспешно и точно было страшно. (П);

в) выделяется также языковая модель эмоциональной психической деятельности человека (10-12), в которой основное место уделено ненаблюдаемым внутренним состояниям, т. е. в ней эмоциональная деятельность человека не проявляется в поведении, в жесте. Эти предикаты не могут быть отнесены непосредственно к группе глаголов, выражающих чувств, но тем не менее, контекст передает такой же эффект:

10 Эта I меня раздражает, отталкивает — почти пугает. Но именно потому-то я и сказал: да.

11 Я определенно чувствовал: сейчас опять ненавижу ее... Я ненавидел ее все время.

12 ...я слушал — весь слушал.

В последнем (12) примере мы видим перенос значения: обычный глагол со значением деятельности органов чувств принимает эмоциональный оттенок. В целом предикаты этой группы имеют особенности лексико-семантического согласования сочетающихся слов, обнаруживая семы, мотивирующие переносные значения с обозначением возрастающей силы (возрастающий климакс). Такой способ переноса, сдвига значений вообще характерен для стиля Замятина.

г) Выявляется также то, что, хотя с позиции субъекта глаголы чувств обычно антропоцентричны и предполагают в этой позиции наличие лексикемы, указывающей на одушевленное лицо, писатели утописты не всегда соблюдают эти правила в художественной речи (13-14):

13 Лишь один раз в сутки цветок радовался. (П)

14 В ямбах качаются дома, взбрызгивают вверх жидким золотом... (З)

Позиция субъекта со значением чувствующего лица заполняется словами других лексико-семантических групп. Глаголы, обозначающие эмоции, находятся в определенном синтагматическом окружении, и фразы, образованные этими предикатами, получают в целом переносное значение.

Б. Особую стилистическую значимость фраз, содержащих глаголы, имплицитно выражающие эмоции и чувства, но выражающие их не в традиционном смысле, а обозначающие в определенном контексте эмоциональное состояние субъекта, составляют предикаты второго типа, т. е. функционально-текстовые глаголы участвуют в передаче эмоций при поддержке и под воздействием контекста:

- а) 15 В голове у меня крутилась, гудела динамо. (З)
 16 Ее губы, мои, я пил, пил, отрывался, молча глядел в распахнутые мне глаза и опять... (З)
 17 ...как уйти из жизни, выйти в жизнь, вернуться к жизни. (П)
 18 Он сам довел себя до вечной разлуки с жизнью, не завладев в ней наиболее необходимым... (П)

Платонову более свойственен такой перенос выражения с опорой прежде всего на функционально текстовые выражения сказуемого.

б) В плане выражения реального субъекта и Платонов и Замятин используют как предикаты первого, так и второго типа, причем доля последних форм больше.

Известно, что предикаты второго типа характеризуются неизосемичностью, т. к. лексическая семантика их исходных значений противоречит выполняемой функции предиката эмоций. Анализ этого типа глаголов-предикатов чувств позволил обнаружить в речевой структуре этих писателей пересечение лексико-семантической группы глаголов чувств с другими лексическими группами. Такие глаголы получают возможность выполнять функцию предикатов чувств в определенном контексте, который, как правило, содержит названия эмоции как слева, так и справа от глагола:

- 19 ...страх почувствовал я определенно, почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни. (З)
 20 Горевала головой на ладони. (П)
 21 Розовый полумесяц дрожал. Сейчас я понимаю, ...что она засмеется. (З)

В предложениях (19-21) затушевывается субъективная конкретизация. Субъект реальный — носитель состояния не называется, он — в подтексте. Эмоции отвлекаются от их носителя, абстрагируются, а глагол выполняет функцию не характеризующего его признака, а изображающего психическое состояние.

Особо выразительными являются предложения (22-23) со словами 'душа' и 'сердце' с метонимическим переносом значения, с соответствующими глаголами эмоционального состояния 'любить', 'страдать', 'грустить', 'горевать'. 'Душа' и 'сердце' в художественном тексте, в субъективной позиции сочетаются с самыми разными предикатами:

22 Плохо ваше дело! По-видимому у вас образовалась душа. Душа? Это странное, древнее, давно забытое слово... душа в душу, равнодушно, душегуб... (З)

23 Сердце — легкое, быстрое, как аэро, и несет меня вверх. (З)

Характер сочетаемости предикатов определенных групп с другими существительными проявляется по-разному у разных авторов. У Замятина и у Платонова, они в функции предикатов эмоций, они по-разному приспособляются для выражения чувств. Обнаруживается определенное сопротивление лексического материала, и воздействие контекста не одинаково.

в) В сочетании с глаголами движения типа 'идти', 'нести', 'приходить', и т. д. на первый план выдвигаются семантические признаки 'направленность', зависимая или нет от воли субъекта (24-25):

24 А у меня тоска идет, не проходит. (П)

25 А затем — кровь во мне и весь мир — ... летит пухом. (З)

В произведениях названных писателей среди стилистически маркированной лексики представлено много глаголов со специфической категориально-лексической семой в аспекте образа действия. Эти глаголы-предикаты функционируют в основном на фоне нейтральной лексики (26-27):

26 Я чувствовал себя приятно и полезно взволнованным. (З)

27 Тело побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза. (П)

Стилистические эти предикаты в синтагматической комбинации с нейтральными словами заряжают своей тональностью контекст и точно выражают отношение автора к изображаемым чувствам персонажа.

Следует подчеркнуть, что творчеству Замятина присуща мобилизация всех возможностей (и нормативно-системных и потенциальных) для обозначения чувств персонажа, хотя самый характерный признак дистопических романов — борьба против естественных человеческих чувств (показателен вывод врача в романе Замятина: "Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа").

Тем не менее, выражения отдельного чувства, как мы наблюдали, передаются использованием ограниченного числа глаголов чувств, наличием цепочек обстоятельственных слов при одном глаголе-предикате или особой сочетаемостью нескольких глаголов чувств в одной предикатной позиции.

При этом более содержательные глаголы конкретной семантики, которые употребляются в функции предикатов чувств, обычно метафоризируются и углубляют ассоциативно-образное значение в результате актуализации семантических признаков обстоятельственного аспекта и включения предметных сем (28):

28 Раздался резкий звук чьей-то спящей жизни, и Дванов проснулся. (П)

Динамизм ситуации эмоциональной деятельности, очень различный, у Замятина и у Платонова, выражается на лексическом уровне употреблением ряда предикатов второго типа, имплицитно содержащих сему 'движение', 'неспособность', 'отталкивание' или 'притяжение', на синтаксическом уровне — особой сочетаемостью глаголов-предикатов (29-30):

29 Яков Титыч не столько мучился, сколько скучал по жизни, которая ему была сейчас уже не мила. (П)

30 Помню — я весь дрожал, вот — ее схватить — и уж не помню, что... (З)

Итак, были выявлены и подчеркнуты только две тенденции употребления предикатов чувств. Надо сказать, что в каждом отдельном случае словоупотребления можно говорить об уникальности и конкретности изображаемых чувств и соответственно о специфике смысловых трансформаций каждого слова.